

Нефритовая подвеска с витым драконом — твёрдая, тёплая, с благородным оттенком, тончайшей текстурой и искуснейшей резьбой; с первого взгляда ясно: вещь эта не для простых людей, да и не по чину им. Банкноты же были самыми обычными, вот только количество купюр и их номинал обычными не назвать.

Гу Цинчан:

— Дорогу за тобой я расчистил, вещи вручил, деньги выдал. Дальше — сам по себе.

Гу Тин, сияя, принял дары:

— Раз взялся помогать — помогай до конца. Мне ещё конь нужен.

Гу Цинчан скрипнул зубами:

— Уже приготовлен!

Гу Тин:

— Тогда я отправляюсь. Благодарю, братец!

Даже не переодевшись, лишь накинув в своей комнате плащ и позвав слугу У Фэна, не взяв с собой почти ничего, он покинул дом Гу.

Гу Тин нёсся так стремительно, что У Фэну пришлось хлестать коня что есть мочи, чтобы поспеть:

— Господин, куда путь держим?

Голос Гу Тина растворился в ветре:

— В Цзююань!

— Но ты же говорил, что не поедешь в резиденцию князя — Стража Севера?

— Мне нужно его найти!

Выходит, это не было отговоркой, чтобы вырваться из беды... У Фэн смотрел на своего молодого господина, слегка остолбенев.

Алый плащ, белый конь, радостный голос — даже завывающий северный ветер казался уже не столь унылым. Снег ложился на его волосы и плечи, но он, казалось, совсем не чувствовал холода. Улыбка играла на его губах, отражаясь в глазах.

Его господин всегда был красив, но когда он в последний раз видел его таким — беззаботным, юным?

Куда бы они ни ехали — если господин счастлив, значит, путь избран верный!

И у У Фэна на душе потеплело. Он громко спросил:

— С чего же начнём?

В голосе Гу Тина звенел смех:

— С откроем лавку! И объявим всем, что я — сокровище, лелеемое в сердце князя — Стража Севера!

А?!

У Фэн от неожиданности едва не свалился с седла.

Не слишком ли круто господин затеял игру?

В пяти ли от них, в Павильоне Ивовых Дум.

Среди хлопьев летящего снега в павильоне молодой человек в белых одеждах грел вино на жаровне, держа в руке свиток. Осанка изящная, но манера держаться — ещё изящнее, раз увидев — не забудешь.

Слуга доложил:

— Господин, время вышло.

Белый юноша скользнул взглядом за пределы павильона, на летящий снег, и на губах его дрогнула лёгкая улыбка, взгляд оставался невозмутимым:

— Не спеши. Он придёт.

Павильон Ивовых Дум, как и следует из названия, получил имя от ив, что тянутся к весне. Одно название уже веет теплом. Увы, зима, снега по колено, даже красные сливы замело — где уж тут теплу взяться?

Белый юноша, Цзян Муюнь, ждал долго, но кроме ледяного ветра, ничего не дождался.

Когда Гу Цинчан добрался до павильона, сердце его сжалось.

Чтобы павильон был виден издалека, его не завесили от ветра пологими — он был открыт со всех сторон. Как тут не замёрзнуть? Но Цзян Муюнь, словно наслаждаясь моментом, готовил вино, листал книгу тонкими пальцами, пребывая в своей стихии, подобно отшельнику, — холода он, казалось, не замечал вовсе.

Он был благородным мужем, не таким, как все.

Но другие видели лишь его достоинства, мало кто задумывался, тяжело ли ему.

Гу Цинчан заботился. Но сказать не мог.

Он поправил воротник, ускорил шаг и, подходя, громко откашлялся, давая знать о своём приближении.

Слуга уже шепнул Цзян Муюню:

— Господин, пришёл старший молодой господин Гу.

— Хм. — Цзян Муюнь аккуратно свернул свиток, уголки глаз его чуть дрогнули.

Гу Цинчан подошёл:

— Брат Цзян.

Он думал, что держит себя в руках, но глаза выдавали его. Как ни старался он казаться великодушным, в глубине взгляда читались и обожание, и тень вины, и даже невысказанная униженность.

— Прости... не смог помочь.

Цзян Муюнь отложил свиток и тихо вздохнул:

— Он не захотел ко мне идти. Отправился в резиденцию князя — Стража Севера.

Взгляд Гу Цинчана стал ещё более пленённым.

Этот человек был не только благородным мужем, но и проникательным. Ему и объяснять ничего не пришлось — лишь увидев его, тот всё понял... Такого разве не полюбишь?

Не мог он допустить, чтобы тот страдал.

— Ты так добр к Гу Тину, так снисходителен... А он не пришёл. Он просто слеп. Ты... не гневайся. Человеческая натура изменна — слишком баловать нельзя. Ты сам — прекрасен. Не станет Гу Тина — другие найдутся. Они не станут обращаться с тобой, как он... Оставь его.

Гу Цинчан говорил весьма обтекаемо.

Цзян Муюнь улыбнулся:

— Юность непостоянна — в порядке вещей. Он в шутку говорил, что я ему мил, я же не принимал его слова всерьёз. Нечего тут и оставлять. Лишь бы ему не было обидно, лишь бы путь его в будущем был прямым.

Взгляд Гу Цинчана дрогнул:

— Брат Цзян...

Цзян Муюнь повернул голову, тёплые глаза его устремились на Гу Цинчана:

— Со мной всё в порядке. Я лишь о тебе беспокоюсь.

Взгляд его был так сосредоточен, что казался почти полным нежности.

Гу Цинчан остолбенел, не сразу осознав.

Цзян Муюнь слегка опустил ресницы, во взгляде его читалась забота:

— Он — твой младший брат по матери, статус невысок, молод, непостоянен — ничего страшного. Всему можно научить. Заблуждался, думал, что я ему мил, — тоже не беда. Я мог бы помочь тебе, направить его на верный путь. Но теперь он отбыл в княжескую резиденцию... В будущем, боюсь, погрязнет в мишуре.

Слова его были намёком, но Гу Цинчан понял с полуслова.

Цзян Муюнь беспокоился о нём.

Сколько ослепила мишура, сколько сбились с пути, прельстившись богатством и властью? Если Гу Тин и вправду добьётся успеха в резиденции, аппетиты его возрастут, он шаг за шагом будет скатываться в пропасть. А вдруг вознамерится отомстить?

То, что он сам это разглядел, — само собой разумеется. Но ведь и Цзян Муюнь разглядел — и беспокоится о нём.

Гу Цинчан не мог не растрогаться.

Цзян Муюнь:

— Кстати, в последнее время в семье есть дело — требуется отправить кого-то в Цзююань. Я мог бы заодно и за ним присмотреть.

Гу Цинчан стиснул зубы:

— Я тоже поеду!

Цзян Муюнь:

— Хм?

Гу Цинчан быстро сообразил:

— У нашей семьи в Цзююане как раз висит невыплаченный долг. Поеду с тобой — и оба дела разом уладим.

Цзян Муюнь так хорош... Вдруг Гу Тин передумает и снова начнёт к нему приставать? Цзян Муюнь всегда был сострадательным, не мог видеть, как кто-то страдает от недостатка. Надо подстраховаться! От этой обувы только-только избавились — нельзя допустить, чтобы она вернулась!

— Гу Тин неразумен, из-за него ты и хлопчешь. Как старший брат, я не могу остаться в стороне. Решено — отправимся вместе, в Цзююань!

Пока они с Цзян Муюнем обсуждали дорожные планы, Гу Цинчан поклялся про себя: ушёл — и покоя не даёт, всё ещё сердце чужое теребит! Если на сей раз я не раздавлю тебя, Гу Тин, — не называться мне больше законным наследником рода Гу!

Они тронулись в путь быстро и ехали не медленно, полагая, что скоро нагонят Гу Тина. Но почему-то так и не встретились.

Гу Тин и не ведал, что эти двое последовали за ним. В прошлой жизни такого не было.

Жизнь многолика. Кто-то хитр, коварен, мастерски плетёт сети, завлекая других, пока те не станут готовы за него и умереть. Кто-то, при всей красоте лица, сладких речей не говорит, детей и тех пугать может, но каждый поступок его чист перед небом и совестью. А кто-то слеп и глуп, мнит себя умником всю жизнь, а в итоге — лишь орудие в чужих руках.

В этой жизни он больше не будет слеп.

В эту омерзительную яму Цзян Муюня пусть лезет, кто хочет. Прошлое не вернёшь, но если в этой жизни эта мерзость посмеет к нему приблизиться — пощады не будет! Что же до Хо Яня...

При одной мысли об этом имени Гу Тин не мог сдержать вздоха.

Князь — Страж Севера славился могуществом, прозвище «Бог войны» вселяло трепет. Казался он невероятно грозным. Но на деле судьба его была полна скорби.

С малых лет, пока другие учились либо грамоте, либо ратному делу, ему приходилось постигать и то, и другое. Не справится с заданием учителя — получит от учителя, а потом ещё и от старого князя. В семь лет его уже выводили на поле боя — «приобщать к реальности». Взросление его проходило среди бесчисленных опасностей, каждый миг был на острие.

В тринадцать старый князь получил тяжёлое ранение и более не мог сражаться. Хо Янь последовал за дядей, совершил множество подвигов, выбирался из груды трупов — и лишь тогда, как наследник, сумел утвердиться, заслужив преданность всей армии Хо.

Шесть лет назад, когда он должен был достичь совершеннолетия, грянула война, полная коварных замыслов. Дядя пал на поле боя, тётка с детьми были убиты на пути к бегству, бабушка с пятилетней сестрой укрылись в потайном подвале и чудом избежали гибели. Мать, будучи на сносях, вышла на передовую — жизнь спасли, но тело было подорвано. Через три месяца она родила раньше срока мальчика, слабого от природы, и скончалась.

Одна война — и у Хо Яня остались лишь дряхлая бабушка, малая сестра и брат, чьи шансы выжить были призрачны.

Шесть лет спустя, в этом самом году, с этого самого месяца, на границе начались мелкие стычки, переросшие в крупные сражения, длившиеся более двух месяцев. А в праздник Фонарей, когда семьи собираются вместе, грянула новая война, полная коварства, — и Хо Янь потерял даже ту горстку родных, что у него оставалась. Четыре его главных военачальника пали. И он, израненный, остался в полном одиночестве.

<http://bllate.org/book/16279/1465865>